

МАРИЯ БОЧКАРЕВА

БАТАЛЬОН СМЕРТИ

 |
ЭКСМО | ЯУЗА
МОСКВА
2014

УДК 82-94
ББК 68
Б 86

Оформление серии *Г. Федотова*

Бочкарева, Мария.

Б 86 Батальон смерти / Мария Бочкарева. — Москва : Яуза : Эксмо, 2014. — 352 с. — (Первая Мировая война).

ISBN 978-5-699-74161-8

К 100-летию Первой Мировой войны! По мотивам этой книги снят самый ожидаемый фильм нынешнего юбилейного года — «БАТАЛЬОН СМЕРТИ». Воспоминания удивительной женщины, которую величают «русской Жанной д'Арк», а ее невероятная судьба заставляет вспомнить такие шедевры, как «А зори здесь тихие» и «У войны не женское лицо».

Уйдя на фронт добровольцем, Мария Бочкарева лично участвовала в штыковых атаках и разведках боем, была трижды ранена, заслужила Георгиевский крест и три медали. В 1917 году, когда разложившаяся армия все чаще «втыкала штык в землю», старший унтер-офицер Бочкарева создает первый женский Батальон смерти, чтобы показать мужчинам «пример самопожертвования». В первом же бою батальон потерял треть личного состава, но выполнил приказ, захватив вражеские окопы, — а по всей России уже формировались женские ударные части, и именно «смертницам» суждено было стать последними защитницами Зимнего дворца...

Эта книга — безыскусный и честный рассказ о героизме русских женщин, готовых умереть за Родину, о подвигах и трагедиях, славе и предательстве, — о последней, вычеркнутой из истории, но незабвенной, войне Российской империи.

УДК 82-94
ББК 68

ISBN 978-5-699-74161-8

© Перевод на русский язык,
Неподаев Ю.А., 2014
© Родин И.В., вст. статья, 2014
© ООО «Издательство «Яуза», 2014
© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

МАРИЯ БОЧКАРЕВА — РУССКАЯ ЖАННА Д'АРК

Эту женщину боялись и ненавидели, ею восхищались и гордились. Ее воспоминания «Яшка» были изданы в США и многих странах Европы. Эту книгу читали Вудро Вильсон, Теодор Рузвельт, Троцкий, Уинстон Черчилль, король Англии Георг V, Долорес Ибаррури и многие другие зарубежные общественные и политические деятели. У нас же «Яшка» долгие годы лежал в спецхранах библиотек.

Мария Леонтьевна Бочкарева (Фролкова) родилась в июле 1889 г. в деревне Никольское Кирилловского уезда Новгородской губернии в крестьянской семье. Когда Марусе исполнилось шесть лет, семья переехала в Сибирь, где правительство предоставляло переселенцам большие земельные наделы безвозмездно. Мария была третьим ребенком в семье. С ранних лет — нелегкий крестьянский труд, присмотр за хозяйскими детьми, работа посудомойки и даже заливка асфальта. В 15 лет Мария неудачно выходит замуж. Пьянство мужа и вечные побои вынуждают ее бежать от такой жизни в Иркутск. Со вторым мужем она живет гражданским браком, однако и этот союз распадается. Второй муж, несмотря на состоятельных родителей, оказался игроком и с бандитскими наклонностями.

Шел ноябрь 1914 г. Первая мировая, или, как ее называли очевидцы, Великая война, прочно входила в жизнь страны. Мария принимает решение идти на

фронт. Она вспоминает: «Мое сердце рвалось туда — в кипящий котел войны, чтобы принять крещение в огне и закалиться в лаве. Мною овладел дух самопожертвования. Моя страна звала меня». Придя в штаб 25-го резервного батальона, расквартированного в Томске, она заявила о своем желании стать в строй. У встретивших ее офицеров это заявление вызвало и хохот, и полное недоумение. Ей попытались объяснить, что женщин берут в армию только в сестры милосердия и в другие вспомогательные службы, однако Мария снова заявила о своем решении идти на фронт рядовым солдатом. Командир батальона предложил ей направить телеграмму царю, который только и мог разрешить этот вопрос.

Спустя некоторое время в штаб батальона пришла телеграмма от царя, где он разрешал зачислить Марию в строй. Ее первое появление среди новобранцев в солдатской форме вызвало взрыв хохота и насмешек. Солдаты обступили Бочкареву со всех сторон, толкали плечом, шипали, пока не убедились, что она — женщина. Медленно, но прочно устанавливались ее отношения с солдатами. Среди них было принято называться сокращенными именами или прозвищами. Выбрала себе такое и Мария — Яшка, в память о втором муже...

В феврале 1915 г., после трехмесячного обучения, Мария оказалась на фронте в 28-м Полоцком пехотном полку. Первый неудачный для полка бой с немцами, первая кровь и потери... Мария не может вынести стон своих раненых товарищей и ползет на нейтральную полосу под немецкие пули. Пятьдесят спасенных жизней и заслуженная награда. Бочкарева очень быстро стала живой легендой полка. Она ходит в разведку, вытаскивает раненых под огнем, участвует в штыковых атаках, несет наравне с мужчинами всю тяжесть боевой службы. Три раза за Великую войну Мария побывала в Киеве. Один раз проездом, а остальные — на излечении ран. Свое первое ранение в ногу она лечила в киевской

Евгеньевской больнице, превращенной в госпиталь. Каждое возвращение Марии в полк после ранений сопровождалось аплодисментами и бурной радостью всех солдат и офицеров. Последние обязательно приглашали ее на обед, что являлось совершенно неслыханным делом — нижний чин за офицерским столом! Бочкареву производят сначала в младшие, а затем в старшие унтер-офицеры и доверяют командовать взводом. На ее груди заслуженные награды — все четыре степени Георгиевского креста и три медали, а на теле память о четырех ранениях.

Февральскую революцию Мария встречает сначала восторженно. Однако повсюду начали создаваться комитеты, растет большевистская пропаганда, армия превращается в говорильню, и солдаты отказываются сражаться. Мария взывает к их долгу, чести и совести, но, увы. Идут сплошные митинги и братания с немцами. Нашлись и такие, кто подверг Марию оскорблениям и угрозам, что казалось небывалым еще вчера. Страстная патриотка, понимающая, что войну необходимо закончить только победой, Мария не может оставаться в такой обстановке и уезжает в отпуск. По дороге она заезжает в Петроград и заходит к М.В. Родзянко — председателю Государственной думы, с которым познакомилась еще на фронте. Он повез ее в Таврический дворец, где заседали солдатские депутаты. Мария рассказывает о своем нелегком солдатском пути и здесь же у нее рождается идея создания женского отряда — для пробуждения боевого духа в разложенной большевиками армии. Много было высказано мнений и сомнений, в том числе и морального порядка, но Бочкарева твердо заявила: «Если я берусь за формирование женского батальона, то буду нести ответственность за каждую женщину в нем. Я введу жесткую дисциплину и не позволю им ни ораторствовать, ни шлаться по улицам. Когда мать-Россия гибнет, нет ни времени, ни нужды управ-

лять армией с помощью комитетов. Я хоть и простая русская крестьянка, но знаю, что спасти русскую армию может только дисциплина. В предлагаемом мной батальоне я буду иметь полную единоличную власть и добиваться послушания. В противном случае в создании батальона нет надобности».

Идею одобрил Верховный главнокомандующий генерал А.А. Брусилов и утвердил А.Ф. Керенский. 21 мая 1917 г. Мария Бочкарева выступает в Мариинском дворце Петрограда с призывом к женщинам России стать в ряды 1-го Петроградского женского Батальона смерти. Ее слова, как всегда, просты и понятны: «...Я обращаюсь к женщинам, чьи сердца кристально честны, чьи души чисты, чьи помыслы благородны. С такими женщинами мы покажем пример самопожертвования, чтобы мужчины осознали свой долг и исполнили его в этот тяжкий час испытаний!»

Случилось небывалое в истории Русской Армии. Сразу около двух тысяч женщин откликнулись на призыв Бочкаревой. Вместе с инструкторами-мужчинами закипела работа. Бросалась в глаза интеллигентность женщин-солдат. До 30% оказались курсистками (были и бестужевки) и до 40% имели среднее образование. Пришли все — и сестры милосердия, и домашняя прислуга, крестьянки и мещанки, выпускницы университетов. Были и представительницы очень известных фамилий — княжна Татуева из знаменитого грузинского рода, Дубровская — дочь генерала, батальонным адъютантом была Н.Н. Скрыдлова — дочь адмирала Черноморского флота.

Всюду звенящим металлом звучал голос Бочкаревой. Она успевала везде и горела огнем вдохновившей ее идеи. Женщины проходили медкомиссию и стриглись почти наголо. В первый же день Бочкарева выгоняет из батальона 30 человек, на второй — 50. Причины обычные — хихиканье, флирт с мужчинами-инструкторами,

невыполнение приказов. Она постоянно призывает женщин помнить о том, что они солдаты, и серьезнее относиться к своим обязанностям. Несколько раз прибегает и к пощечинам в качестве наказания за дурное поведение.

Большевики очень быстро поняли угрозу, исходившую от женского батальона. Еще в первые дни формирования Мария получила порядка тридцати писем с угрозами. Однако она продолжала свое нелегкое дело. Часть женщин, распропагандированные большевиками, предприняли попытку сформировать комитет и выступили с резкой критикой той железной дисциплины, которая царила в батальоне благодаря стараниям Бочкаревой. В батальоне произошел раскол. Бочкарева была вызвана поочередно к командующему округом генералу Половцеву и Керенскому. Оба разговора протекали очень бурно — с криками и стучанием кулаками по столу с обеих сторон! Но — в батальоне никаких комитетов не будет!

Бочкарева переформировала батальон, в котором осталось 300 штыков. Все до 35 лет, и только одной добровольнице 40. Запись уже прекращена. На вопрос корреспондентов газет о запасных кадрах Мария отвечает: «Ни к чему. Уйдем и умрем...» Предварительный смотр батальона прошел с 12-балльной отметкой. На женщинах-солдатах были особые погоны — белые с продольными черной и красной полосой, а на правом рукаве гимнастерки — красно-черная стрела углом вниз. Кстати, 2-я рота 1-го Петроградского женского Батальона смерти, которая охраняла Зимний дворец в октябре 1917 г., на фронте никогда не была и состояла как раз из получивших от Бочкаревой «отвод» за «легкое поведение».

21 июня 1917 г. батальон в новом обмундировании стоял на площади перед Исаакиевским собором. Прошел торжественный молебен при стечении больших

толп народа и построенных частях Петроградского гарнизона. Члены правительства и генералы провожали батальон на фронт. Унтер-офицер Мария Бочкарева, впервые в истории Русской Армии, принимала из рук архиепископа Боевое Знамя. Фамилия Марии была золотом вышита на Знамени, которое в случае ее гибели должно было быть возвращено в собор как святыня и никогда не будет служить другому командиру. Батальону передали и фронтовой подарок — серебряные иконы от солдат 1-й и 3-й армии с изображением Божьей Матери и Георгия Победоносца. Генерал Корнилов, представлявший командование армии, вручил Марии револьвер и саблю с золотыми памятным планками на рукоятке и эфесе. Керенский произвел Бочкареву в офицеры и прицепил тут же погоны прапорщика. Повсюду были овации и возгласы: «Да здравствует Бочкарева!»

Закончился этот удивительный день, похожий на сон, и 24 июня батальон выступил на фронт. На фронте батальон придали 525-му пехотному полку. Солдаты встретили батальон насмешками и скотским поведением. Бочкарева вспоминала, «...что никогда прежде не встречала такой оборванной, разнузданной и деморализованной шантрапы, называемой солдатами». Это был плод большевистской пропаганды в своем законченном виде. Женский батальон представлял собой слишком резкий контраст по сравнению с этой бандой. Несмотря на суровую дисциплину, Бочкарева пользовалась непререкаемым авторитетом среди своих «солдатиков», как она сама любовно называла бойцов батальона.

8 июля 1917 г. в 3 часа должно было начаться наступление — первый бой батальона. Он занимал позицию в передней линии окопов, поддерживаемый с флангов другими ротами. Все ждали сигнала к атаке... Но целый корпус замитинговал — идти в атаку или не идти? В этом постыдном занятии защитники отечества прове-

ли весь день... Когда уже сгущались вечерние сумерки, к женскому батальону подошли 75 офицеров во главе с командиром 525-го полка подполковником Ивановым и 300 оставшихся верными Присяге солдат. Они попросили разрешения у Бочкаревой стать в строй батальона. Было принято общее решение наступать, чтобы тем самым пристыдить солдат и заставить их подняться в атаку. Общее командование приняла на себя прапорщик Бочкарева. Командованию было доложено о принятом решении. Солдаты на обоих флангах батальона издевались и зубоскалили: «Ха-ха! Вот это наступление — бабы и офицеры!»

Цепь построили так, что каждую женщину прикрывали с обеих сторон мужчины. Офицеры распределились на равном расстоянии по всей цепи. И вот батальон двинулся в атаку! Немцы открыли огонь, появились первые убитые и раненые. Время от времени женщины и офицеры оглядывались назад, — не встают ли солдаты? А солдаты продолжали уже замороженно смотреть на эту уходящую в сумерки цепь. Какая-то жалкая тысяча шла, не кланяясь пулям, на прорыв немецкого фронта! И вот что-то проснулось и зашевелилось в окопах, людские массы обогнали батальон справа и слева и заняли с ходу первую и вторую траншеи немцев. Надо дальше — в третью! Но новый враг стал на пути солдата — в немецких траншеях оказалось в изобилии водки и пива. Многие с остервенением набросились на спиртное... Батальон опять остался один против накапливающих силы для контратаки немцев. Немецкие атаки следовали одна за другой, но непоколебимо, как некогда 300 спартанцев, стояли 300 русских женщин на пути полчищ неприятеля. В этой безнадежной ситуации, когда дорог был каждый штык и каждый выстрел в сторону неприятеля, Бочкарева застала одну из своих девушек с каким-то солдатом занимающимся любовью за стволом дерева. Бочкарева вспоминала, что

не в себе от ярости «...проткнула девку штыком, а солдат успел убежать».

После боя в строю осталось 200 женщин-солдат. Батальон потерял 30 убитых и 70 раненых. Бочкарева была произведена в чин подпоручика, а впоследствии — в поручики. А в это время уже по всей стране шло формирование женских частей. Военный совет 29 июня утвердил положение «О формировании воинских частей из женщин-добровольцев». Официально на октябрь 1917 г. числились: 1-й Петроградский женский Батальон смерти, 2-й Московский женский Батальон смерти, 3-й Кубанский женский ударный батальон. Были организованы и женские команды связи: в Петрограде — 2, в Москве — 2, в Киеве — 5, в Саратове — 2. Стихийное формирование женских отрядов шло в Киеве, Минске, Полтаве, Харькове, Симбирске, Вятке, Смоленске, Иркутске, Баку, Одессе, Мариуполе. В июне был объявлен приказ о формировании первой Морской женской команды. В самой армии формировались исключительно добровольческие ударные батальоны смерти. Даже солдаты-инвалиды по примеру женщин организовывали свои отряды и возвращались в строй.

Большевистский переворот ставит батальон в невыносимое положение. Солдаты готовы разорвать женщин на куски, поскольку те продолжают отважно выполнять свой воинский долг. Бочкарева распускает батальон, снабдив девушек гражданским платьем и документами. Трогательные были последние минуты прощания боевых соратниц...

Бочкарева едет домой, но по пути в Петрограде ее арестовывают и отбирают врученное Корниловым оружие. Происходит разговор с Лениным и Троцким, которые убеждают ее встать на сторону «народа». Несмотря на то что Мария твердо заявила им о том, что они погубят страну, ее отпускают с документами и билетом

до дома. 7 января 1918 г. она получает телеграмму из Петрограда от одного из генералов с просьбой приехать. Подпольная офицерская организация просит ее установить связь с генералом Корниловым, который уже формировал Добровольческую армию на Дону. Не видя для себя возможности принимать непосредственное участие в Гражданской войне, Бочкарева решает помочь Белому движению другим путем. По поручению генерала Корнилова она едет в США просить помощи для борьбы с большевистской властью.

Ее появление в военной форме с крестами и медалями произвело фурор. Для нее открылись двери домов многих высокопоставленных лиц. Она встречалась с министром обороны и госсекретарем США. Здесь же она надиктовала свои воспоминания одному из бывших соотечественников. А дальше — Англия, встречи с Черчиллем и королем Георгом V. По возвращении в Россию, 10 ноября 1919 г., Бочкарева встречается с адмиралом Колчаком. Формирует по его поручению женский санитарный отряд в 200 человек. Однако армии Колчака отходят, и Мария возвращается в Томск.

7 января 1920 г. она была арестована. В заключение к окончательному протоколу ее допроса от 5 апреля 1920 г. следователь Поболотин отметил, что «преступная деятельность Бочкаревой перед РСФСР следствием доказана... Бочкареву как непримиримого и злейшего врага рабоче-крестьянской республики полагаю передать в распоряжение начальника Особого отдела ВЧК 5-й армии». 21 апреля было принято решение передать Бочкареву в Особый отдел ВЧК г. Москвы, но 15 мая это решение было пересмотрено и принято новое — Бочкареву расстрелять. На стертой от времени обложке уголовного дела была сделана синим карандашом приписка: «Исполнено пост. 16 мая». Так в возрасте 31 года погибла эта замечательная женщина-патриот.

В парижском журнале русской военной эмиграции «Военная быль» в 1969 г. было напечатано стихотворение, которое вполне могло быть походной песней женского Батальона смерти:

Со всех сторон России
Пришли мы воевать...
Поднялись мы стихийно
За право умирать...

Нам нет домой возврата —
Отвергла нас семья...
Мы женщины-солдаты,
Пусть примет нас земля...

Мы братьям будем сменой —
Не побежден ведь враг.
Мы не хотим измены,
Стоим за свой очаг!

Мы отреклись от жизни,
У нас одна мечта:
Служить своей отчизне
И победить врага!

Нам нет домой возврата,
Мы — за России честь,
Мы — женщины-солдаты,
И нам награда — смерть!

*Родин И.В., член Украинского
института всеобщей истории*

ВВЕДЕНИЕ

В начале лета 1917 года весь мир был потрясен известием из Петрограда о том, что некая Мария Бочкарева формирует из женщин боевую часть под наименованием Батальон смерти. Это сообщение открыло прежде никому не известной русской крестьянке путь к всемирной известности.

Простолюдинка из далекой российской провинции, Мария Бочкарева неожиданно оказалась в центре внимания современной прессы. С ней искали встречи иностранные корреспонденты, ее преследовали фотографы, выдающиеся люди спешили засвидетельствовать ей почтение. И каждый по-своему пытался рассказать об этой удивительной личности. В результате возник поток дезинформации и кривотолков.

Из всех многочисленных публикаций о Бочкаревой и интервью, взятых у нее и попавшихся мне на глаза, вряд ли найдется хоть один материал, не содержащий ложных или ошибочных заявлений. Это отчасти объясняется тем достойным сожаления фактом, что иностранные журналисты, знакомившие мир с русскими людьми и событиями в России в памятном 1917 году, за редким исключением, не знали русского языка, но отчасти также и тем, что сама Бочкарева не желала доверяться всякому предприимчивому чужестранцу — искателю приключений. И все же она мечтала о том, чтобы когда-нибудь ее жизнь была описана в книге.